

Для проведения «демократизации армии» и вообще реформ в военном ведомстве, «соответствующих новому строю», Гучковым была учреждена комиссия под председательством бывшего военного министра Поливанова. В состав ее вошли представители от военной комиссии Государственной Думы и от Совета р. и с. д.

В морском ведомстве работала подобная же комиссия под председательством видного деятеля Государственной Думы Савича. Мне известна более работа первой, и потому я и останавлиюсь на ней. Законопроекты, выработанные в поливановской комиссии, предварительно их утверждения, шли на одобрение военной секции Исполнительного комитета Совета р. и с. д., имевшей большой вес и часто даже занимавшейся самостоятельным военным законотворчеством.

Ни один будущий историк русской армии не сможет пройти мимо поливановской комиссии – этого рокового учреждения, печать которого лежит решительно на всех мероприятиях, погубивших армию. С невероятным цинизмом, граничащим с изменой Родине, это учреждение, в состав которого входило много генералов и офицеров, назначенных военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило тлетворные идеи и разрушало разумные устои военного строя. Зачастую, задолго до утверждения, делались достоянием печати и солдатской среды такие законопроекты, которые в глазах правительства являлись чрезмерно демагогическими и не получали впоследствии осуществления; они, однако, прививались в армии и вызывали затем напор на правительство снизу. Военные члены комиссии как будто соперничали друг перед другом, в смысле раболепного угождения новым повелителям, давая обоснование и оправдание, своим авторитетом, их разрушающим идеям. Лица, присутствовавшие в комиссии в качестве докладчиков, передавали мне, что в заседаниях ее можно было услышать иногда протестующий голос гражданских лиц, предостерегающий от увлечений, но военных – почти никогда.

Я затрудняюсь понять психологию этих людей, которые так быстро и так всецело подпали под влияние и власть толпы. Из списка военных членов комиссии к первому мая видно, что большинство из них – представители штабов и учреждений, по преимуществу петроградских (25) и только 9 от армии, и то, по-видимому, не все они строевые чины. Петроград имел свою психологию, отличную от армейской.

Важнейшие и наиболее тяжело отразившиеся на армии демократические законы касались организации комитетов, о которых изложено в главе XX, дисциплинарного

воздействия, военно-судебных реформ и наконец пресловутой декларации прав солдата.

Дисциплинарная власть начальников упразднена вовсе. Ее восприняли дисциплинарные ротные и полковые суды. Они же должны были разрешать «недоразумения», возникавшие между солдатами и начальниками.

О значении лишения дисциплинарной власти начальника говорить много не приходится: этим актом вносилась полная анархия во внутреннюю жизнь войсковых частей и дискредитировался законом начальник. Последнее обстоятельство имеет первостепенное значение. И революционная демократия использовала этот прием во всех, даже самых мелких, актах своего правотворчества.

Судебные реформы имели своей конечной целью ослабление влияния, в процессе назначаемых военных судей, введение института присяжных, и общее значительное ослабление судебной репрессии.

Упразднены военно-полевые суды, каравшие быстро и на месте за ряд очевидных и тяжких воинских преступлений, как то измена, бегство с поля сражения и т. д.

Отменено заочное разбирательство дел, о побеге к неприятелю воинских чинов и добровольной сдаче в плен, чем была возложена на правительственные и общественные органы забота о материальном положении семейств заведомых изменников, наравне с действительными защитниками Родины.

По проекту присяжного поверенного Грузенберга военно-окружной суд должен был иметь состав: одного председателя-юриста и шесть выборных членов (3 офицера и 3 солдата), причем эта коллегия не только решала вопрос о виновности подсудимого (без председателя), но и вопрос о наказании, идя, таким образом, по пути расширения прав присяжных значительно дальше гражданского судопроизводства.

Характерно, что Главное военно-судное управление, задолго до переформирования

судов, минуя Ставку, предписало армиям, «ввиду предстоящей демократизации судов», приостановить разбор дел... Таким образом, около 1,5 месяца военные суды не действовали вовсе.

Будучи убежденным сторонником института присяжных, для общего гражданского суда и общегражданских преступлений, я считаю его совершенно недопустимым в области целого ряда чисто воинских преступлений и в особенности в области нарушения военной дисциплины. Война – явление слишком суровое, слишком беспощадное, чтобы можно было регулировать его мерами столь гуманными. Психология «подчиненного» резко расходится в этом отношении с психологией начальника, редко подымаясь до ясного понимания государственной необходимости. Как мог состав присяжных, вышедших из той же среды, что и комитеты, не разделить их шаткого и переменчивого мышления в области политики и в особенности военной дисциплины? Если организованная и крепкая армия может управляться только единой волей вождя, а не желанием «большинства», олицетворяемого выборными коллективными органами, то и жизнь, и воля ее должна регулироваться твердым ясным законом, не подверженным воздействию психологических и политических колебаний момента. Верховная власть может прекратить войну, изменить закон, изгнать вождя и распустить войска. Но пока существует армия и ведется война, закон и начальник должны обладать всей силой пресечения и принуждения, направляющей массу к осуществлению целей войны.

«Демократизация» военного суда могла бы иметь некоторое оправдание разве только в том, что, подорвав доверие к офицерству вообще, надо было создать и судебные органы смешанного, выборного состава, то есть теоретически заслуживающего большего доверия революционной демократии.

Но и эта цель достигнута не была. Ибо военный суд – один из устоев порядка в армии – попал всецело во власть толпы. Органы сыска были разгромлены революционной демократией. Следственное производство встречало непреодолимые препятствия со стороны вооруженных людей, а иногда и войсковых революционных учреждений. Вооруженная толпа, заключающая в себе зачастую много преступных элементов, всей своей необузданной, темной силой давила на судебскую совесть, предрешая судебные приговоры. Разгромы корпусных судов, спасение бегством присяжных заседателей, позволивших себе вынести негодный толпе приговор, или расправа с ними – явления заурядные. В Киеве слушалось дело известного большевика, штабс-капитана гвардейского гренадерского полка Дзевалтовского, обвинявшегося, совместно с 78 сообщниками, в отказе принять участие в наступлении и в увлечении своего полка и других частей в тыл. Процесс происходил при следующей обстановке: в самом зале заседания присутствовала толпа вооруженных солдат, выражавшая громкими криками свое одобрение подсудимым; Дзевалтовский, по дороге из гауптвахты в суд, заходил

вместе с конвоирами в местный Совет солдатских и рабочих депутатов, где ему устроена была орация; наконец во время совещания присяжных перед зданием суда выстроились вооруженные запасные батальоны, с оркестром музыки и пением «Интернационала». Дзевалтовский и все его соучастники были, конечно, оправданы.

Таким образом, военный суд мало-помалу был упразднен.

Было бы ошибочно, однако, приписывать новое направление в области юридического творчества исключительно давлению советов. Оно находило оправдание и в образе мыслей Керенского, который говорил: «Я думаю, что насилием и механическим принуждением в настоящих условиях войны, где действуют огромные массы, добиться ничего невозможно. Временное правительство за три месяца работы убедилось в необходимости обращения к разуму, совести и долгу граждан и в том, что этим можно достигнуть желательных результатов».

В самом начале революции, указом 12 марта Временное правительство отменило смертную казнь. Либеральная печать встретила этот акт рядом патетических статей, выражавших мысли весьма гуманные, но лишенные понимания обстановки, в которой живет армия, и всякого предвидения. Русский аболюционист, управляющий делами Временного правительства Набоков писал по этому поводу: «Отрадное событие – признак истинного великодушия и проницательной мудрости... Смертная казнь отменена безусловно и навсегда... Наверно, ни в одной стране нравственный протест против этого худшего вида убийства не достигал такой потрясающей силы, как у нас... Россия присоединилась к государствам, не знающим более стыда и позора судебных убийств».

Интересно, что министерство юстиции представило все же на утверждение власти два проекта, причем в одном из них смертная казнь оставлялась, как кара за тяжчайшие воинские преступления (шпионство и измена); однако военно-судебное ведомство, возглавлявшееся генералом Апушкиным, категорически высказалось за полную отмену смертной казни.

Но настали июльские дни. Россию, привыкшую уже к анархическим вспышкам, все же поразил тот ужас, который повис на полях битвы в Галиции, у Калуша и Тарнополя. Как хлыстом ударили по «революционной совести» телеграммы правительственных комиссаров Савинкова и Филоненко, а также и генерала Корнилова, потребовавших

немедленного восстановления смертной казни. «Армия обезумевших темных людей, – писал Корнилов 11 июля, – не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования... Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилиях, грабежах и убийствах... Смертная казнь спасет многие невинные жизни, ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов».

12 июля правительством восстановлена смертная казнь и военно-революционные суды, заменившие собою прежние военно-полевые. Разница заключалась в том, что состав новых судов – выборный (3 офицера и 3 солдата) из списка присяжных или из состава войсковых комитетов. Впрочем, вызванная давлением на правительство командования, комиссаров, комитетов, мера эта (восстановление смертной казни) заранее была обречена на неудачу: Керенский впоследствии на «Демократическом совещании» оправдывался перед демократией: «Подождите, чтобы хоть один смертный приговор был подписан мною, и тогда я позволю вам проклинать меня»... С другой стороны, состав судов и приведенные выше условия их деятельности также не могли способствовать проведению ее в жизнь: почти не находилось ни судей, способных вынести смертный приговор, ни комиссаров, желающих утвердить его. По крайней мере, на моих фронтах подобных случаев не было. Наряду с этим, через два месяца деятельности военно-революционных судов, в военно-судном управлении накопилась богатая литература, как от военных начальников, так и от комиссаров, установивших «вопиющие нарушения норм судопроизводства, неопытность и невежество судей»...

К числу карательных мер, проводившихся в порядке верховного управления или командования, относится расформирование мятежных полков. Недостаточно продуманная, мера эта вызвала совершенно неожиданные последствия: провокацию мятежа, именно с целью расформирования. Ибо моральные элементы – честь, достоинство полка – давно уже обратились в смешные предрассудки. А реальные выгоды расформирования для солдат были несомненны: полк уводился надолго из боевой линии, месяцами расформировывался, состав его много времени развозился по новым частям, которые таким путем засорялись элементом, бродящим и преступным. Всей тяжестью своей это мероприятие, в котором, наряду с военным министерством и комиссарами, виновна и Ставка, в конце концов ложилось опять-таки на невинный офицерский состав, терявший свой полк – семью, свои должности, и принужденный скитаться по новым местам или переходить на бедственное положение резерва.

Кроме полученного таким путем отрицательного элемента, войсковые части

пополнялись, и непосредственно обитателями уголовных тюрем и каторги, в силу широкой амнистии, данной правительством преступникам, которые должны были искупить свой грех в рядах действующей армии. Эта мера, против которой я безнадежно боролся, дала нам и отдельный полк арестантов – подарок Москвы, и прочные анархистские кадры в запасные батальоны. Наивная и неискренняя аргументация законодателя, что преступления были совершены в силу условий царского режима, и что свободная страна сделает бывших преступников самоотверженными бойцами, не оправдалась. В тех гарнизонах, где почему-либо более густо сконцентрировались амнистированные уголовные, – они стали грозой населения, еще не видав фронта. Так, в июне в томских войсковых частях шла широкая пропаганда массового грабежа и уничтожения всех властей; из солдат составлялись огромные шайки вооруженных грабителей, которые наводили ужас на население. Комиссар, начальник гарнизона, совместно со всеми местными революционными организациями предприняли поход против грабителей и после боя изъяли из состава гарнизона, не более не менее как 2 300 амнистированных уголовных.

Преобразования должны были коснуться всего высшего управления армией и флотом, но поливановская и савичевская комиссии провести их не успели, будучи распущены Керенским, сознавшим наконец весь вред, ими принесенный. Комиссии успели лишь подготовить демократизацию высших учреждений Военного и Морского Советов путем введения в них выборных солдат. Это обстоятельство имеет тем более курьезный характер, что, по мысли законодателя, эти Советы должны были состоять из людей, богатых знанием и опытом и способных разрешать вопросы организации, службы, быта, военно-морского законодательства и финансовых смет вооруженных сил России. Такое влечение некультурной части демократии к чуждым ей сферам деятельности, имело и дальнейшее широкое развитие. Так, например, многими военными училищами правили до известной степени комитеты из училищной прислуги, в большинстве даже неграмотной, а в дни большевизма в состав советов в университетах входили не только профессора и студенты, но и сторожа.

Я не буду останавливаться на мелких работах комиссии – по реорганизации армии и изменению уставов – и перейду к наиболее крупным из них – комитетам и «декларации прав солдата».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. «ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ АРМИИ»: КОМИТЕТЫ

Важнейшим фактором демократизации явились выборные коллегиальные учреждения, начиная от военной секции Совета р. и с. д. и кончая комитетами и советами разного наименования, в воинских частях и управлениях армии, флота и тыла; учреждения войсковые смешанного типа (офицерско-солдатские), чисто солдатские и солдатско-рабочие. Комитеты и советы возникали везде как одна из общеизвестных форм революционной организации, – выработанная до революции и санкционированная в начале ее приказом № 1. В Петрограде выборы от войск в совет рабочих депутатов назначены были 27 февраля, а первые войсковые комитеты появились, в силу известного приказа № 1, 1 марта; в Москве избрание солдат в местный совет р. д. произошло в первые же дни революции, и 3 марта было подтверждено приказом «зауряд-командовавшего» войсками округа подполковника Грузинова. К апрелю и в армии, и в тылу почти повсюду действовали, уже самочинные, комитеты и советы разного наименования, состава и круга деятельности, вносявшие невероятный сумбур в стройную систему военной иерархии и организации.

В первый месяц революции, правительство и военная власть не принимали никаких мер ни к ликвидации, ни к введению в известные рамки этого опасного явления. Недооценивая вначале его возможные последствия, рассчитывая на сдерживающее влияние в новых организациях офицерского элемента, пользуясь иногда комитетами для сглаживания острых вспышек в солдатской среде, как пользуется врач малыми дозами яда, вводимыми в больной человеческий организм, правительство и командование отнеслись к возникновению этих военных организаций с колебанием, нерешительностью, но, вместе с тем, и с полупризнанием. Гучков в Яссах (9 апреля) говорил военным делегатам: «Скоро состоится съезд делегатов от всех организаций армии, тогда будет выработан и общий нормальный устав. Пока же организуйтесь, как умеете, пользуйтесь существующими организациями и работайте над общим единением».

В Минске на торжественном открытии съезда военных и рабочих депутатов Западного фронта, 7 апреля, присутствовали и выступали с речами как председатель Исполнительного комитета Государственной Думы Родзянко, так и председатель Совета р. и с. д. Чхеидзе, и главнокомандующий Западным фронтом генерал Гурко... Что касается Совета рабочих и солдатских депутатов, то он в самой категорической форме требовал введения в армии солдатских организаций, считая их главным основанием демократизации.

К апрелю положение настолько запуталось, что власть не могла долее отстранять от себя решение вопроса о комитетах. В конце марта в Ставке состоялось совещание, в

котором приняли участие Верховный главнокомандующий, министр Гучков, его помощники и чины штаба. Участвовал и я, как будущий начальник штаба Верховного главнокомандующего. Совещанию предложен был готовый проект закона, привезенный из Севастополя полковником генерального штаба Верховским, составленный на основании положения, уже действовавшего в Черноморском флоте.

Диспут свелся к борьбе двух крайних мнений, представленных мною и Верховским.

Верховский тогда уже начал свою – слегка демагогическую – деятельность, на первых порах снискавшую ему расположение в солдатско-матросской среде. За ним был опыт, хотя и кратковременный, организации этой среды, доказательность приведением множества бытовых примеров – не знаю, из жизни или из области фантазии – эластичность убеждений и импонирующее красноречие. Он идеализировал комитеты, доказывал их большую пользу и необходимость, даже государственность, как начала, регулирующего бесформенное стихийное солдатское движение, горячо отстаивал расширение круга ведения и прав комитетов.

Я указал, что введение комитетов – мера, которую не в состоянии будет переварить армейский организм, что оно равносильно разрушению армии. И, если власть не в силах побороть это явление, то необходимо ослабить его опасные последствия. Средствами для этого я считал ограничение деятельности комитетов хозяйственными функциями, усиление в составе их офицерского элемента и приостановку развития организации вверх, чтобы не создавать объединения и возглавления ее в крупных войсковых соединениях, какими являлись дивизии, армии и фронты. К сожалению, мне удалось отстоять свои положения лишь в самой незначительной степени, и 30 марта вышел приказ Верховного главнокомандующего «О переходе к новым формам жизни», призывавший «офицеров, солдат и матросов к дружной, от сердца совместной работе в деле водворения в войсковых частях строгого порядка и прочной дисциплины».

Общие начала «положения» заключались в следующем:

1) основные задачи всей организации: а) усиление боевой мощи армии и флота, дабы довести войну до победного конца; б) выработка новых форм жизни воина – гражданина свободной России; в) содействие просвещению среди армии и флота.

2) форма организации: постоянные органы – комитеты ротные, полковые, дивизионные и армейские; временные органы – съезды корпусные, фронтовые и центральный при Ставке; последний выделяет постоянный совет.

3) Съезды созываются соответственными начальниками, или же по инициативе армейских комитетов. Все постановления съездов и комитетов прежде опубликования утверждаются соответственными начальниками.

4) Круг ведения комитетов ограничивался вопросами поддержания порядка и боеспособности (дисциплина, борьба с дезертирством и т. д.), внутреннего быта (увольнения в отпуск, взаимоотношения и т. д.), хозяйственными (контроль над довольствием и снабжением) и просветительными.

5) Вопросы боевой подготовки и обучения части, безусловно, никакому обсуждению не подлежат.

6) Состав комитетов определялся пропорцией выборных представителей – один офицер на двух солдат.

Для характеристики падения дисциплины на верхах я должен упомянуть о распоряжении генерала Брусилова, отданном тотчас по получении «положения», очевидно под влиянием войсковых организаций: из ротных комитетов этим распоряжением офицеры исключались вовсе, а в высших комитетах пропорция офицеров уменьшалась до 1/3 и даже 1/6...

Но прошло всего лишь две недели, и военное министерство, не считаясь со Ставкой, опубликовало свое, новое положение, составленное в знаменитой Поливановской комиссии при участии представителей Совета рабочих и солдатских депутатов. Это новое «положение» вводило существенные поправки: офицерский состав комитетов уменьшен; дивизионные комитеты изъяты; в число задач комитетов вошло «принятие законных мер против злоупотреблений и превышений власти должностных лиц своей части»; если ротному комитету воспрещалось «касаться боевой подготовки и боевых сторон деятельности части», то такой оговорки относительно полковых комитетов уже не было; при этом командир полка мог обжаловать, но не имел права приостановить

постановление комитета; наконец на комитеты возлагалась обязанность входить в сношения с политическими партиями, без всякого ограничения, о посылке в части депутатов, ораторов и литературы для разъяснения программ, перед выборами в Учредительное Собрание.

Этот акт, санкционировавший превращение армии, во время тяжелой войны, в арену для политической борьбы и лишавший начальника права быть хозяином своей части, явился одним из главных этапов по пути разрушения армии. Интересно сопоставить взгляд по этому вопросу в армии анархиста Махно, выраженный в приказе одного из его «командующих войсками» Володина, от 10 ноября 1919 года: «Ввиду того, что всякая партийная агитация в данный боевой момент вносит сильную разруху в чисто боевую работу повстанческой армии, категорически объявляю всему населению, что всякая партийная агитация до окончательной победы над белыми мною совершенно воспрещена»...

Через несколько дней, ввиду протеста Ставки, военное министерство приказало немедленно «приостановить введение в жизнь приказа в части, касающейся комитетов. Там, где таковые уже организованы, можно их оставить, чтобы не вносить путаницы и дезорганизации». Министерство признало необходимым переработать главу о комитетах на основаниях приказа Верховного главнокомандующего, «более отвечающего нуждам войск»...

Таким образом, армия к середине апреля имела многочисленные системы войсковой организации: свои нелегальные, созданные до апреля, установленную Ставкой и вводимую министерством. Эти противоречия, перемены, пере выборы могли бы поставить части в большое затруднение, если бы комитеты сами не упростили вопроса: они отбросили все сдерживающие и регулирующие рамки и начали действовать по своему усмотрению.

Наконец во всех населенных пунктах, где только квартировали войска или военные учреждения, образовались местные солдатские советы или советы солдатских и рабочих депутатов, не подчинявшиеся никаким нормам и сделавшие своей главной специальностью укрытие дезертиров и беззастенчивую эксплуатацию городских и земских управлений – и населения. С ними власть не боролась вовсе, их не трогали, и только в конце августа военное министерство, выведенное из терпения бесчинствами этих «тыловых учреждений», сообщило печати, что оно «предполагает заняться разработкой особого положения о них».

Кто же входил в состав комитетов? Настоящего боевого элемента, живущего интересами армии, понимающего условия ее быта, проникнутого военными традициями, в них было очень мало. Доблесть, мужество, преданность долгу – все эти невесомые ценности не имели спроса, на арене митингового строительства новой жизни. Солдатская масса – к великому сожалению – невежественная, неграмотная, уже развращенная, не доверявшая своим начальникам, выбирала своими представителями по преимуществу людей, импониравших ей хорошо связанной речью, внешней политической полировкой, вынесенной из откровений партийной литературы; но больше всего – беззастенчивым угождением ее инстинктам. Как мог состязаться с ними настоящий воин, призывавший к исполнению долга, повиновению и к борьбе за Родину, не щадя жизни. Хорошие офицеры, если и выбирались в низшие комитеты, то редко проходили в высшие, растворяясь в чуждой им среде и постепенно отсеиваясь. У них не было ни доверия среди солдат, ни желания работать в комитетах, ни, может быть, достаточного политического образования. В высших комитетах, скорее, можно было найти хорошего и государственно мыслящего солдата, чем офицера, ибо человек в солдатском мундире мог говорить толпе то, что она не позволила бы сказать офицеру.

Русская армия стала управляться комитетами, составленными из элементов чуждых ей, большею частью случайно попавших в ее ряды, представлявших, скорее, межпартийные социалистические, нежели военные органы.

Казалось в высокой степени странным и обидным для армии то обстоятельство, что во главе фронтовых съездов, представлявших несколько миллионов бойцов, множество отличных частей со старой и славной историей, имевших в рядах своих офицеров и солдат, которыми могла бы гордиться всякая армия в мире, что во главе этих съездов были поставлены такие чуждые ей люди: Западного фронта – штатский, еврей, с.-д. большевик Познер; Кавказского – штатский, с.-д. меньшевик, грузинский шовинист Гегечкори; Румынского – соц.-рев., врач, грузин Лордкипанидзе.

Весьма любопытна оценка из другого мира, данная составу тогдашних военных организаций Бронштейном (Троцким): «Армия должна была послать своих представителей в революционные организации ранее, чем ее политическое самосознание могло подняться, хоть в слабой степени, до уровня революционных событий... Следовательно, кого же солдаты могли выбрать депутатами? Конечно, тех из своей среды, которые представляли в ней интеллигенцию и полуинтеллигенцию, т. е. тех, которые обладали хотя бы самым малым политическим образованием и которые могли его использовать. Таким образом, внезапно интеллигенты из мелкой буржуазии достигли волею армии небывалых высот. Врачи, инженеры, адвокаты,

вольноопределяющиеся, которые перед войной вели самый обыкновенный образ жизни и никогда не претендовали ни на какую высокую роль, очутились вдруг представителями армейских корпусов и даже целых армий. И они сразу почувствовали себя «вожаками» революции. Их политическая идеология соответствовала как нельзя лучше колебаниям и недостаточной сознательности в революционных массах... В то же время эта мелкая демократическая буржуазия в своей гордости революционных «*parvenus*», испытывала глубочайшее недоверие и к своим собственным силам, и в отношении массы, которая все же изумительно выросла. Несмотря на то, что эти интеллигенты называли себя социалистами, и считались таковыми, они относились к политическому всемогуществу крупной буржуазии, к ее знаниям и методам с плохо скрываемым почтением».

* * *

Чем же занимались эти войсковые организации, которые должны были перестроить на новых началах «самую свободную армию в мире»? «Я приведу перечень вопросов, подвергавшихся обсуждению, с большими или меньшими вариантами, на фронтовых съездах, давших затем соответственное направление фронтовым и низшим комитетам.

1) Об отношении к правительству, Совету рабочих и солдатских депутатов и Учредительному Собранию.

2) Об отношении к войне и миру.

3) О демократической республике, как желательной форме государственного устройства.

4) Аграрный вопрос.

5) Рабочий вопрос.

Внесение всех этих жгучих политических и социальных проблем, разрешаемых радикально, часто демагогически, возбуждавших партийную, классовую и корпоративную борьбу и вражду – в поколебленную и без того армию, стоявшую лицом к лицу с сильным и жестоким противником, не могло пройти без потрясения. Но и в вопросах военной службы и быта, на первом же съезде (Минском), пользовавшемся исключительным вниманием военной и гражданской власти, прозвучали нотки, заставившие нас сильно призадуматься: звание «офицера» упразднить, единоличную дисциплинарную власть упразднить, предоставить комитетам право устранения плохо аттестуемых ими начальников и т. д...

С первых же дней своего существования комитеты повели борьбу за расширение своих прав, в широком диапазоне от «права участия в управлении армией» до формулы «вся власть советам» (комитеты – как полномочные органы совета).

Впрочем, первое время отношение войсковых комитетов к Временному правительству было вполне лояльным и, чем ниже комитет, тем отношение лучше. Целый ряд постановлений о беспрекословном подчинении Временному правительству, ряд приветствий, делегаций, высланных войсками, которых беспокоили слухи о двоевластии и противодействии правительству со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов – все это заполняет весенние столбцы петроградских газет. Позднее, вследствие агитационной работы приобретающего все большее значение Совета, это настроение переживало различные фазисы, получив наиболее яркую директиву в приведенной мною ранее резолюции Съезда делегатов Советов рабочих и солдатских депутатов, в начале апреля: «Совещание призывает революционную демократию России, организуясь и сплачивая свои силы вокруг советов, быть готовой дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых на себя обязательств».

Если высшие комитеты увлекались более политической деятельностью и углублением в армии «революционных начал», то низшие постепенно начали овладевать вопросами службы, быта и жизни войсковых частей, устраняя, ослабляя и дискредитируя власть командного состава. Понемногу установилось фактическое право смещения и выбора начальников, ибо положение начальника, которому «выразили недоверие», становилось нетерпимым. Таким путем, например, на Западном фронте, войсками которого я командовал, к июлю месяцу ушло до 60 старших начальников, от командира корпуса до полкового командира включительно. Но наиболее страшным явилось стремление комитетов, по своей инициативе и под давлением войск, вторгаться и в чисто боевые тактические распоряжения начальников, затрудняя донельзя или ставя иногда в положительную невозможность ведение операций.

Связанный, спутанный, обезличенный, лишенный власти и поэтому безответственный начальник не мог уже вести с уверенностью войска на поле победы и смерти...

Но так как власти не стало, начальникам поневоле приходилось обращаться за содействием к комитетам, которые действительно иногда влияли умиротворяюще на разбушевавшихся солдат, вели борьбу с дезертирством, улаживали обостренные отношения между офицерами и солдатами, призывали к исполнению приказов и вообще поддерживали, внешние, по крайней мере, подпорки здания, начинавшего давать сильные трещины. Эта положительная сторона деятельности некоторых комитетов до сих пор еще вводит в заблуждение их апологетов, в том числе Керенского. Я не могу спорить с людьми, думающими, что можно возвести здание – один день ставя сруб, а на другой – растаскивая бревна.

Как на положительную сторону деятельности комитетов, указывают и на личное участие их членов в наступлении, ознаменованное гибелью некоторых из них... Нет ничего удивительного, что некоторые члены комитетов исполнили честно свой долг, но в результате и на Юго-западном фронте, где комитеты пользовались исключительным вниманием главного командования (Брусилов, Гутор), и у меня, на Западном фронте – все они сознались в полном своем бессилии, не только двинуть войска вперед, но и «остановить их безумное, паническое бегство». Это обстоятельство станет еще более понятным, когда мы увидим ниже, кто входил в состав комитетов.

Так шла видимая и невидимая работа войсковых организаций, чередуясь между патриотическими призывами и интернационалистическими лозунгами, между помощью командирам и их низвержением, между выражением доверия или недоверия Временному правительству и ультимативным требованием новых сапог и суточных денег членам комитета... Бытописатель русской армии, изучив некогда это явление, придет в изумление от того непонимания законов существования вооруженной силы, которое обнаружено много раз комитетской деятельностью и литературой.

Особенно демагогически настроены были тыловые и флотские комитеты. Балтийский флот пребывал все время в состоянии, близком к анархии, Черноморский был значительно лучше и держался прочно до июня. Трудно даже учесть огромный вред, принесенный разброшанными по всей стране тыловыми комитетами и советами, среди которых надменность соперничала с поразительным невежеством. Я ограничусь приведением лишь нескольких примеров, характеризующих эту деятельность в разных

ее проявлениях.

Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии в середине мая выпустил декларацию, в которой, не удовлетворяясь данной Финляндии Временным правительством автономией, заявляет о необходимости предоставления ей полной свободы, и о том, что «со своей стороны, будет поддерживать, всеми доступными мерами, все шаги революционных организаций, направленные к скорейшему достижению и разрешению этого вопроса».

Центральный комитет Балтийского флота, совместно с вышеназванным комитетом, в тревожные дни выступления большевиков в Петрограде (начало июля) объявил: «Вся власть Всероссийскому совету р. и с. депутатов. Сплотимся вокруг революционной борьбы нашей трудовой демократии за власть», и не выпустил в Петроград корабли, вызванные Временным правительством для подавления мятежа.

Комитет Минского военного округа незадолго до наступления уволил на полевые работы всех солдат запасных батальонов в свои губернии. Я велел предать суду состав комитета, но вряд ли это распоряжение имело какие-либо последствия, так как военное министерство, невзирая на мои предложения, не установило законной ответственности членов комитета – коллегиального учреждения, выносящего свои решения по большинству голосов, иногда тайным голосованием.

Наконец приведу один курьезный бытовой эпизод: комитет одного из конских депо на моем фронте постановил поить лошадей только один раз в сутки, благодаря чему большая часть лошадей пала.

Было бы несправедливостью отрицать существование и положительных примеров, в деятельности и постановлениях «тыловых организаций», но эти примеры тонут, бесследно и безрезультатно, в общей анархической волне, поднятой и их руками.

Несомненно, наиболее важным вопросом, с военной точки зрения, являлось отношение комитетов к войне и, в частности, к готовившемуся наступлению. В главе девятой я очертил те внутренние противоречия, которые резко проявились как в сознании членов Совета и Съездов, так и в тех двойственных, неискренних директивах, которые были

даны ими армейским организациям, и сводились к приятию войны, наступления, но без победы.

Это положение и было в общем усвоено и проводимо в жизнь высшими комитетами, за исключением, впрочем, комитета Западного фронта, который в июне вынес резолюцию большевистского характера, сводившуюся к следующему: война порождена захватной политикой правительства; поэтому единственным средством прекращения войны является борьба объединившейся демократии всех стран против своих правительств; окончание же войны, путем решительной победы одних держав над другими, послужит лишь к укреплению военщины, во вред демократии.

Пока на фронте было затишье, войска сравнительно спокойно относились ко всем этим словопрениям и резолюциям высших организаций. Но когда настало время готовиться к переходу в наступление, во многих людях заговорили шкурные побуждения, и готовые формулы пораженческих идей прились как нельзя более кстати. Наряду с комитетами, продолжавшими выносить патриотические резолюции, некоторые войсковые организации, отражая мнение частей или проводя свое собственное, резко пошли против идеи наступления. Целые полки, дивизии, даже корпуса на активных фронтах, и особенно на Северном и Западном, отказывались от производства подготовительных работ, от выдвижения в первую линию. Накануне наступления приходилось назначать крупные военные экспедиции для вооруженного усмирения частей, предательски забывших свой долг.

* * *

Я хочу дать совершенно объективную картину деятельности одной из крупных организаций – «Армейского комитета XI армии», основываясь исключительно на данных, извлеченных из комитетского отчета. Проследить день за днем (21–30 мая) работу комитета весьма интересно по двум причинам: во-первых, в состав его входили столь прославленные впоследствии большевики: Крыленко и Дзевалтовский; во-вторых, работа эта предшествовала наступлению XI армии, имевшей важную активную задачу в июньской операции.

Председатель комитета – сначала прапорщик Крыленко, с.-д. большевик; потом солдат Пипик – с.-д. меньшевик-интернационалист.

Комитет делится на фракции: большевиков, соц.-рев., меньшевиков-оборонцев, меньшевиков-интернационалистов и беспартийных; резолюции выносятся по фракциям, причем четыре последних образуют обычно блок. Такой порядок вызывает протест одного из членов: «Если армейский комитет должен представлять голос армии, выражать ее желания, то к чему партийные разделения».

Докладчиками по военно-политическим вопросам являются, обыкновенно: прапорщик Крыленко – большевик. Поручик Дзевалтовский – большевик. Поручик Холодный – меньшевик. Солдат Пипик – меньшевик-интернационалист. Прапорщик Носарь – соц.-рев. Вольноопред. Гандлер – соц.-рев. Вольноопред. Шадхан – внепар. шт. ротм. Протопопов – внепар.

23 мая постановлено послать 8 представителей на Всерос. съезд советов р. и с. депут., созываемый в Петрограде на 1-е июня, причем для выбора, принято пропорциональное представительство обеих точек зрения (блок и большевики), и выбранным делегатам будет поручено совершить массовый объезд частей для определения взглядов войск.

24 мая комитет принимает резолюцию, которая выражает одобрение вступлению социалистов в правительство «на платформе активной политики, направленной к скорейшему заключению всеобщего мира на демократических началах», и обещает всемерную поддержку Врем. правительству. Резолюция большевиков, призывающая к борьбе с правительством, отвергнута. За первую подано 90 голосов, за вторую 32.

26 мая на основаниях, принятых 23-го, происходят выборы восьми делегатов на съезд, причем за список блока подано 85 голосов, за список большевиков – 42, и воздержалось 10. Поэтому командировается 5 лиц из состава блока и 3 большевика. Один из членов протестует, указывая на неправильность такого представительства армии: «Я не поверю, что у нас 3/8 армии – большевики». Получив «мандат», прап. Крыленко немедленно слагает с себя звание председателя и едет в войска, широко распространяя от имени армейского комитета свое большевистское воззвание: «Зачем я поеду в Петроград». (Затем едет туда фактически, принимает деятельное участие в июльском кровавом мятеже и подвергается аресту военными властями; но правительство Керенского освобождает его «за недостатком улик».)

В тот же день комитет выносит резолюцию о войне и мире, близкую к июньской резолюции Всероссийского съезда, призывая армию «к усилению боевой мощи, так как только войска, готовые в каждый данный момент исполнить приказ о переходе в наступление, являются подлинной военной силой, могущей защитить русскую свободу». За такое условное наступление высказалось 85 голосов, против наступления – 31, и воздержавшихся – 10. Любопытна психология воздержавшихся комитетских офицеров (полков. Дукшинский и кап. Базаревич): «Ввиду серьезности вопроса, сопряженного с решением участи жизни многих тысяч людей, мы, как представители тылового учреждения, нравственно не считаем себя вправе голосовать»...

27 мая предоставлено право участия в комитете представителям самочинных польской и мусульманской военных организаций армии. Разработаны весьма крутые меры для борьбы с дезертирством.

На тревожный вопрос прибывшего на заседание вр. командовавшего армией: «Есть ли у вас самих единение», тов. предс. отвечает: «У нас имеется свое меньшинство, которое, по заявлению его представителя, отказывается от всяких анархических действий, и, пока оно в меньшинстве, будет подчиняться большинству, оставляя за собой право свободной критики».

28 мая – доклад хозяйственной комиссии, характер деятельности которой был контролирующей и организационно-осведомительный. Указывалось на большую работу, произведенную на местах 40 делегатами. Характерно сожаление докладчика, что «отношение к хозяйственным вопросам армии крайне несерьезное; вопросы эти отодвигаются на задний план на всех собраниях»...

Прочтен доклад конфликтно-юридической комиссии: за месяц комиссия разрешила 43 конфликта, возникших в армии, причем «почти все постановления комиссии утверждались командармом (генерал Гутор) без изменения».

Доклад о деятельности культурно-просветительной комиссии признает, что сделано пока немного; мало средств; члены агитационной секции все заняты на конфликтах; «есть лекторы-кадеты, но от них отказались».

29 мая комитет постановляет устроить митинг протеста против смертного приговора, вынесенного за политическое убийство австрийским судом Фридриху Адлеру.

30 мая комитет разъезжается. 85 человек социалистического блока, 42 большевика и 10 «воздержавшихся»... от исполнения своего долга едут в армию, чтобы поднять дух русских войск перед наступлением и подвинуть их на смертный бой за Родину. Бедная армия и бедная Родина!

1-я армия, как увидим впоследствии, в начале июля подала пример панического бегства и всех последующих явлений, которые генерал Корнилов называл «безумием, бесчестьем и предательством».

* * *

Я уже говорил в главе XVIII об отношениях многих старших начальников-оппортунистов к комитетам. Синтез этих отношений наиболее рельефно выражен в обращении временно командовавшего армией генерала Федотова к армейскому комитету: «Наша армия получила, в настоящее время, небывалое еще нигде устройство... В ней огромную роль играют выборные организации. Мы – прежние вожди ее, теперь можем дать армии только наши военные знания: стратегии и тактики. Организовать же армию, создавать ее внутреннюю силу призваны вы – комитеты. Роль комитетов, роль ваша в деле созидания новой, сильной армии велика. История в будущем отметит это!»

Главнокомандующий Кавказским фронтом, еще до узаконения военных организаций, отдал распоряжение, чтобы постановления самозванного тифлисского совета солдатских депутатов печатались в приказах армии, а распоряжения, касающиеся устройства и быта армии, проходили бы через совет солдатских депутатов.

Неудивительно, что подобное отношение известной части командного состава давало почву, оправдание и обоснование все более растущим комитетским вождениям.

В книге Керенского я нашел поразившее меня мнение о комитетах, приписываемое

генералу Корнилову (в докладной записке, якобы поданной им Временному правительству):

«Должно казаться странным и удивительным, насколько эти молодые выборные учреждения мало уклонились от правильного пути, и насколько часто они оказывались на высоте положения, кровью запечатлевая свою доблестную воинскую деятельность... Комитеты обеспечивают своим существованием, символизирующим в глазах массы бытие революции, спокойное отношение к тем мероприятиям, которые необходимы для спасения армии и страны, на фронте и в тылу».

Быть может, приведенное мнение изложено в докладной записке, составленной военным министерством, мотивировкой которой Корнилов вовсе не интересовался, соглашаясь лишь с некоторыми ее выводами и намеченными мероприятиями? Генерал Корнилов – солдат до мозга костей – относился с глубочайшим осуждением к разрушавшим армию комитетам, – я утверждаю это категорически, хорошо зная и Корнилова и его взгляды. Наконец Савинков, бывший управляющий военным министерством, удостоверяет: «Полагая, что и комиссары, и комитеты в будущем должны быть упразднены, я, боясь осложнений, не считал, однако, возможным упразднить их немедленно. Генерал же Корнилов, по-видимому, был склонен к безотлагательному упразднению комитетов и к сокращению прав комиссаров. В этом смысле он и высказался на совещании, созванном Филоненкой» (Совещание представителей комиссаров и комитетов 22 августа 1917 года).

Керенский, приводя изданный в марте 1918 года большевиками закон о сохранении за комитетам только хозяйственных функций и лишении их права вмешиваться в оперативно-строевую часть, иронически добавляет: «Так через кошмарный опыт крыленковского безумия жалкие остатки армии возвращаются к контрреволюционному строю корниловца Керенского!»

Сопоставление этих двух имен производит тяжелое впечатление. По существу же, вывод этот несколько преждевременный: в марте – это были действительно «жалкие остатки», изъеденные керенщиной; но после жестоких поражений, понесенных большевиками зимою 1918–1919 годов, они прозрели окончательно и упразднили вовсе комитеты. Большевистский официоз – «Известия» – жестоко критиковал и издевался над этим институтом.

Я лично и на Западном, и на Юго-западном фронтах поставил вопрос прямо: отказался от всякого взаимодействия с комитетами и пресекал, когда было возможно, те проявления их деятельности, которые шли вразрез с интересами армии.

В конечном итоге поправление власти избавляло командный состав и от ответственности. Начальник без власти и без ответственности не мог вести войска к победе.

«Теоретически становилось все яснее, – говорит один из виднейших комиссаров, бывший член Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов, Станкевич, – что нужно или уничтожить армию, или уничтожить комитеты. Но практически нельзя было сделать ни того, ни другого. Комитеты были ярким выражением неизлечимой социологической болезни армии, признаком ее верного умирания, ее параличом. Но было ли задачей военного министерства ускорить смерть решительной и безнадежной операцией?»...

Великая некогда русская армия первого периода революции представляется мне в следующем виде: Родины не стало. Вождя распяли. На его место перед фронтом вышла коллегия из пяти оборонцев и трех большевиков, – и обратилась с призывом к армии:

— Вперед на бой за свободу и революцию, но... без окончательного разгрома противника! – говорили одни.

— Долой войну, вся власть пролетариату! – кричали другие. Армия слушала, слушала, потопталась на месте и... разошлась.

Продолжение следует